

СОДЕРЖАНИЕ

	Вступление	13
1	Интерн	16
2	Старший интерн – первая должность	49
3	Старший интерн – вторая должность	85
4	Старший интерн – третья должность	112
5	Ординатор – первая должность	137
6	Ординатор – вторая должность	169
7	Ординатор – третья должность	200
8	Ординатор – четвертая должность	237
9	Старший ординатор	277
10	Последствия	306
	Благодарности	314

«Я сам не врач (хотя порой и утверждаю обратное), однако я бы прописал эту книгу всем без исключения. Она смешная до коликов, грустная до слез и дает наиболее полное представление о том, каково приходится рядовым работникам нашей любимой, но при этом утопающей в проблемах Национальной службе здравоохранения. Потрясающая книга».

Джонатан Росс

«Это ужасно смешная книга, однако за блестящими шутками скрывается рассказ крайне неравнодушного человека о том, что для нас делает служба здравоохранения и что мы рискуем с ней сделать».

Марк Уатсон

«Будучи ипохондриком, я отнесся к этой книге с настороженностью. К счастью, она оказалась невероятно забавной — настолько забавной, что от смеха я заработал себе грыжу».

Джоуи Лисет

«Я целую вечность ждала книгу про НСЗ (Национальная служба здравоохранения. — *Примеч. перев.*), которая обходилась бы без обычных слащавых выдумок, обнажая всю подноготную, в которой полно и смешного, и грустного, — и дождалась. Забавнейший рассказ про будни молодого врача, пронизанный душераздирающими подробностями, многочисленными откровениями и человечностью, которую мы так хотим разглядеть за невозмутимым внешним видом любого врача».

Джо Бранд

«Я то безудержно смеялась, то так же безудержно плакала. Книга Адама сплетена из судеб его пациентов, что позволяет ему рассказывать — как никому другому живо и ярко — о боли и радости от работы в столь непосредственной близости от отчаяния, болезни и смерти. Эта книга — настоящий шедевр».

*Профессор Клэр Герада,
бывший председатель Королевской коллегии
врачей общей практики*

«Невероятно уморительная, тошнотворная, заставляющая задуматься и трогаящая за душу книга. Ни одна строчка не оставила меня равнодушной».

Джил Мэнселл

«Эта книга должна быть обязательной к прочтению для каждого, кто работает, пользуется услугами или даже просто высказывается по поводу НСЗ. Вы будете смеяться, плакать, а потом снова смеяться и хорошенько задумаетесь, стоит ли вообще заводить детей».

*Дин Бернетт,
автор книги «Идиотский бесценный мозг»*

«Если мы потеряем НСЗ, то дневник Адама Кея о его работе молодым врачом станет для нас историческим документом, описывающим уникальный, работающий на эмпатии механизм, и помимо одной из самых смешных книг, которые я когда-либо читал, превратится еще и в одну из самых грустных».

Дэвид Уайтхаус

«Уморительная с самой первой страницы — очень-очень смешная. Я был от нее в восторге».

*Кит Уортон,
автор книги «Emergency Admissions»*

«До неприличия смешная, берущая за душу, очаровательная и внушающая ужас история человека, которого разорвал на части и выплюнул непонятно за что любимый, но при этом безжалостный монстр по имени НСЗ».

Милтон Джонс

В целях сохранения конфиденциальности тех моих друзей и коллег, которые не хотели бы, чтобы их узнали, я изменил некоторые персональные данные. Для сохранения врачебной тайны я изменил клиническую информацию, которая могла бы помочь установить личность конкретных пациентов, поменял даты¹ и обезличил имена². Зачем — фиг его знает, ведь лицензии лишить они меня уже не могут.

¹ Я много проработал в родильных отделениях, а люди имеют привычку запоминать даты рождения своих детей.

² Как правило, я использовал имена второстепенных персонажей «Гарри Поттера», тем самым дав повод подать на меня в суд не одним, так другим.

*Джеймсу
за его нерешительную поддержку*

*И мне,
без которого эта книга
никогда бы не появилась на свет*

ВСТУПЛЕНИЕ

В 2010 году после шести лет обучения и еще шести лет работы в больнице я уволился с должности младшего врача. Мои родители до сих пор до конца меня за это не простили.

В прошлом году я получил письмо от Генерального медицинского совета, в котором сообщалось, что меня убрали из медицинского регистра. Не то чтобы я сильно удивился, так как уже добрых пять лет не занимался врачебной практикой¹, однако с эмоциональной точки зрения мне было весьма непросто окончательно поставить крест на этой главе своей жизни.

Для моей гостевой спальни, однако, эта новость была просто отличная, так как я тут же принялся осво-

¹ Проведенное в 2006 году Министерством здравоохранения исследование показало, что общественность (что было довольно логично) полагала, будто врачи ежегодно подвергаются оценке своего труда. На самом же деле в то время врачи могли спокойно проработать со дня получения диплома и прямо до пенсии, и никто не стал бы проверять, помнят ли они, какой стороной нужно втыкать в пациентов шприцы. Следом за скандальным делом Гарольда Шипмана, в 2012 году был принят закон, обязавший врачей каждые пять лет проходить переекспертацию. Мы бы сильно переживали по поводу многих машин на дороге, если бы техосмотр проводился лишь раз в пять лет, однако это всяко лучше, чем ничего. — *Примеч. автора, и далее, если не указано иное.*

бождать ее от нагромождения коробок, уничтожая бумаги в шредере быстрее бухгалтера Джимми Карра (Британский комик, в 2012 году обвиненный в уклонении от уплаты налогов. — *Примеч. перев.*). Единственное, что мне удалось вырвать из цепких лап смерти, — это мое учебное портфолио. Всем врачам рекомендуется вести записи о своей клинической практике — это еще называют рефлексивной практикой. Я впервые за многие годы изучил эти записи, и, как оказалось, моя рефлексивная практика заключалась в том, чтобы записывать в ординаторской все хоть сколько-нибудь интересное, произошедшее за день, — такой вот медицинский вариант дневника Анны Франк (только в несколько более тесных условиях).

Читая про забавные случаи и рутину, про бесчисленные инородные предметы в различных отверстиях и дурацкую бюрократию, я вспомнил, как тяжело мне приходилось вкалывать и какое огромное влияние работа младшим врачом оказала на мою жизнь. Перечитывая написанные мною строки, я недоумевал, как многое от меня требовалось, однако тогда все это казалось мне неотъемлемой составляющей работы. Порой складывалось впечатление, что меня уже ничем не удивишь, и я бы глазом не моргнул, прочитав «сплавал в Исландию в женскую консультацию» или «сегодня пришлось проглотить вертолет».

Приблизительно в то же время, когда я изучал свои дневники, младшие врачи нашей страны подверглись жесточайшей критике со стороны политиков. Я никак не мог избавиться от ощущения, что врачам было слож-

ВСТУПЛЕНИЕ

но донести свою версию происходящего (возможно, потому что они все это время были на работе), и меня осенило, что общественности попросту неоткуда было узнать, каково на самом деле приходится врачам. Вместо того чтобы пожалть плечами и продолжать уничтожать улики, я решил сделать что-то, чтобы исправить эту несправедливость.

Так что вот они перед вами — дневники, которые я вел, работая в НСЗ, бородавки и все остальное. Здесь рассказывается, каково приходится рядовым работникам здравоохранения, о том, как эта работа отразилась на моей жизни, а также про то, как в один прекрасный день я уже был попросту не в состоянии это больше выносить (простите за спойлер, но ведь вы же смотрели «Титаник», заранее зная, чем все закончится).

По ходу книги я буду помогать вам разбираться в медицинской терминологии и вкратце объяснять свои обязанности на каждой должности. Вам в этом плане повезло куда больше, чем младшим врачам, — я не стану бросать вас прямо с берега в омут, рассчитывая, что вы сами прекрасно со всем разберетесь.

ИНТЕРН

Решение стать врачом чем-то напоминает полученное в начале октября письмо по электронной почте, в котором предлагается выбрать из предложенных вариантов меню для новогоднего корпоратива. Конечно же, вы выберете курицу, чтобы подстраховаться, и практически наверняка все будет в порядке. Но что, если прямо накануне мероприятия кто-то в «Фейсбуке» поделится с вами наводящим страх видео с птицефабрики и вы станете невольным свидетелем того, как несчастным курицам массово обрубают клювы? Что, если в ноябре умрет Моррисси (Британский музыкант, ярый защитник животных. — *Примеч. перев.*), и вы, в дань уважения к нему, откажетесь от своей прежней жизни, практически полностью посвященной поглощению мяса? Что, если у вас разовьется смертельно опасная аллергия на эскалоп? В конце концов, никто не может знать наверняка, чего именно ему захочется на ужин шестьдесят ужинов спустя.

Каждый врач выбирает свою будущую профессию в 16 лет — за два года до того, как ему будет разрешено законом рассылать фотографии своих половых органов по телефону. Выбирая, по каким предметам сдавать выпускные экзамены повышенной сложности, он задает траекторию, по которой будет идти его жизнь до самой смерти или выхода на пенсию, и, в отличие от новогод-

него корпоратива, Джанет из отдела закупок не станет менять его курицу на свои канапе с козьим сыром — отвертеться уже никак не получится.

Когда тебе 16, твоя мотивация заняться медициной обычно ограничивается фразами вроде «Мои родители были врачами», «Мне нравится Доктор Хаус» или «Я хочу излечить рак». Первые две причины крайне нелепые, а третья была бы совершенно уместной, будь она более искренней, — только вот этим занимаются ученые-исследователи, а не врачи. Кроме того, как по мне, так заставлять держать слово человека в столь юном возрасте немного несправедливо — все равно что придать сделанному в пять лет рисунку под названием «хочу быть космонавтом» юридическую силу.

Что касается меня, то я особо не припомню, чтобы осознанно выбирал для себя профессию врача — скорее, таковы были настройки моей жизни по умолчанию, сродни стандартному рингтону на телефон или обоев с горным хребтом для рабочего стола компьютера. Я вырос в еврейской семье, ходил в школу, которая, как на конвейере, штамповала врачей, адвокатов и членов правительства, и мой папа был врачом. Это было предначертано.

Так как конкурс в мединституты превышает 10 человек на место, то с каждым абитуриентом проводили собеседование и зачисляли только тех, кто лучше всего проявлял себя на этом допросе. Предполагалось, что у всех кандидатов круглые пятерки по экзаменам, так что окончательное решение принималось не на основании успеваемости. Это, разумеется, вполне логично: буду-

ший врач должен быть психологически устойчивым — уметь принимать взвешенные решения в невероятно стрессовых ситуациях, быть в состоянии сообщать плохие новости томящимся родственникам и ежедневно иметь дело со смертью.

В хорошем враче должно быть нечто, чего нельзя вызубрить, чему нельзя дать количественную оценку: у хорошего врача должны быть большое сердце и раздутая аорта, перекачивающая целое море сострадания и доброты.

Во всяком случае, так можно было бы подумать. На деле же мединституты на все это плевать хотели с самой высокой колокольни. Они даже не проверяют, насколько хорошо ты переносишь вид крови. Вместо этого они зациклены на том, чем ты занимался в школе помимо учебы. В их представлении идеальный студент — это капитан двух спортивных команд, чемпион графства по плаванию, лидер школьного оркестра и редактор школьной газеты. Вот такой конкурс талантов. Откройте любую статью в «Википедии», посвященную какому-нибудь известному врачу, и вы увидите что-нибудь в духе: «В юности был успешным игроком в регби, выдающимся спринтером, а в выпускном классе получил звание вице-капитана команды по легкой атлетике». Данное описание взято из статьи про доктора Гарольда Шипмана («Доктор смерть», убивший, по разным оценкам, от 200 до 500 пациентов. — *Примеч. перев.*), так что, пожалуй, такой подход сложно назвать надежным.

Имперский колледж Лондона решил, что 8 классов фортепиано и саксофона, наряду с посредственными театральными обзорами для школьного журнала, делали меня полностью пригодными для работы в больнице, так что в 1998 году я собрал чемоданы, чтобы преодолеть злополучные шесть миль, разделявшие Далидж и Южный Кенсингтон, где мне предстояло учиться.

Как вы можете себе представить, изучить каждую мельчайшую деталь анатомии человеческого тела, а также все возможные нарушения его нормальной работы — затея колоссальных масштабов. Тем не менее само осознание того, что в один прекрасный день я стану врачом — и с приставкой «доктор» мое имя изменится навсегда, как у супергероя или международного преступника, — помогало мне двигаться вперед все эти долгие шесть лет.

И вот наконец я стал младшим врачом¹. Я мог бы выступать в телевикторине «Mastermind»², выбрав в качестве специальной категории «человеческое тело». Все телезрители принялись бы орать, сидя дома перед экранами, что эта тема слишком широкая, и мне следовало

¹ «Младшим врачом» называют любого врача, еще не получившего звание консультанта. Такая терминология немного вводит в замешательство, так как многие из этих «младших врачей» уже многого добились — некоторые проработали добрых 15 лет, стали кандидатами наук и получили другие академические звания. В каком-то смысле это все равно что звать всех в британском парламенте, помимо премьер-министра, «младшими политиками».

² Интеллектуальная телевикторина. Аналог русской передачи «Самый умный». — *Примеч. ред.*

бы выбрать, например, «атеросклероз» или «бурсит», но они бы глубоко ошибались. Я бы ответил на все вопросы без ошибок.

Наконец настало время выйти в больничные палаты, вооружившись всеми этими исчерпывающими знаниями, чтобы применить теорию на практике. Я был готов пуститься в бой на всех парах, так что для меня стало ударом, когда я узнал, что четверть моей жизни, проведенная в стенах мединститута, даже близко меня не подготовила к двойной жизни больничного интерна¹.

В течение дня работа была вполне выполнимой, пускай и безумно скучной, а также отнимающей громадное количество времени. Нужно было каждое утро являться в больницу на обход палат, в ходе которого целая делегация врачей неспешным шагом по очереди навещает ко всем своим пациентам. Я же, будучи интерном, плелся за ними следом, подобно замороженному утенку, преследующему любого, кого он примет за маму. Склонив голову набок, что демонстрировало мое неподдельное внимание и интерес, я записывал каждое решение, исходившее из уст старших врачей: записать на МРТ, отправить в реанимацию, организовать ЭКГ. Оставшаяся часть рабочего дня (а сверх этого, как правило, еще четыре неоплачиваемых часа) уходила на то, чтобы выполнить эти десятки, а порой даже сотни заданий — нужно было заполнить бесчисленное количество

¹ Больничная иерархия выглядит следующим образом: интерн, старший интерн, ординатор, старший ординатор, консультант. Недавно эти «звания» были переименованы, однако все по-прежнему пользуются старой терминологией.

бумаг, сделать море звонков. По сути, мы выполняли роль секретарш с дипломами врача. Не совсем то, ради чего я так усердно учился, ну да ладно.

Перед ночной сменой интерну вручается пейджер, вместе с которым его также наделяют ответственностью за каждого пациента в больнице. А их тут чертовски много. Дежурящий ночью старший интерн вместе с ординатором уходят в отделение неотложной помощи, где они осматривают и при необходимости кладут в больницу поступающих пациентов, в то время как интерн остается в палатах, один за штурвалом корабля. Корабля огромного, объятых пламенем, и ко всему прочему никто управлять его этим кораблем не учил. Научили, как обследовать сердечно-сосудистую систему пациентов. Ты хорошо знаком с физиологией системы коронарных артерий, однако даже если можешь распознать все симптомы сердечного приступа, все совсем иначе, когда сталкиваешься с ним в жизни.

Тебя вызывают из палаты в палату, одна медсестра за другой посылает тебе на пейджер сообщения о неотложной ситуации — так продолжается всю ночь напролет, без остановок. Твои старшие коллеги принимают в отделении неотложной помощи пациентов с какими-то конкретными проблемами, вроде воспаления легких или перелома ноги. У твоих пациентов похожие неприятности, только вот они являются стационарными пациентами, а это значит, что с их здоровьем изначально было что-то совсем не так. Одни симптомы и болезни накладываются на другие: у одного пациента, поступившего с печеночной недостаточностью, воспаление лег-

ких, в то время как другой сломал ногу, упав с кровати в результате очередного эпилептического припадка. По сути, ты представляешь собой отделение неотложной помощи, состоящее из одного, толком не подготовленного человека, утопающего в биологических жидкостях (причем даже не в тех, над которыми можно было бы посмеяться), осматривающего одного за другим нескончаемый поток пугающе больных пациентов, за каждым из которых всего 12 часов назад присматривала целая бригада врачей. Тут же начинаешь жалеть, что и правда не решил работать секретарем (или, в идеале, на какую-то другую должность, более-менее соответствующую твоим способностям).

Чтобы не пойти на дно, приходится учиться плавать, потому что иначе ты за собой потащишь кучу ни в чем не виноватых пациентов. Как бы это ни было странно, но такая работа меня не на шутку воодушевляла. Конечно, приходилось вкалывать, конечно, условия были нечеловечными, и я, определенно, навидался такого, от чего у меня до сих пор кровоточат глаза, однако теперь я был врачом.

3 августа 2004 года, вторник

День первый. На обед у меня бутерброды, приготовленные моей второй половиной. Теперь у меня новенький стетоскоп¹, новенькая рубашка и новенький

¹ Я полностью за то, чтобы объяснять медицинскую терминологию по ходу книги, но если вы не в курсе, что такое стетоскоп, то, пожалуй, лучше подарить эту книгу кому-то другому.

адрес электронной почты: atom.kay@nhs.net (Так как автора зовут Adam Kay, то, судя по всему, админ или кто-то из HR ошибся, когда создавал название его почтового ящика. — *Примеч. перев.*). Приятно осознавать, что никто не осмелится назвать меня самым некомпетентным человеком в больнице, что бы сегодня ни случилось. Но даже если я и действительно таковым себя проявлю, то всегда смогу сказать, что во всем виноват Атом.

Я предвкушал, как буду рассказывать всем эту историю, однако позже в тот день в пабе моя подруга Аманда меня переплюнула. У Аманды двойная фамилия Сандерс-Вест, однако вместо того, чтобы просто поставить дефис, они написали его словом: amanda.saundershyphenvest@nhs.net (То есть «Сандерсдефисвест». — *Примеч. перев.*).

18 августа 2004 года, среда

Пациенту ОМ 70 лет, и раньше он работал инженером-теплотехником в Сток-он-Трент. Сегодня же вечером Мэтью выступает в роли эксцентричного немецкого профессора с «неупитительным нимеским акцентом». На самом деле не только сегодня вечером, но также и этим утром, этим днем, да и вообще каждый день его пребывания в больнице — все благодаря его деменции, усугубленной инфекцией мочевых путей¹.

¹ Старики вообще частенько немного съезжают с катушек от инфекции мочевых путей — да и вообще от любой вялотекущей инфекции.

Любимое занятие профессора ОМ — это ходить по пятам совершающих утренний обход врачей, надев свою больничную сорочку задом наперед, наподобие белого плаща (с нижним бельем, а порой и без, сверкая своей немецкой колбаской), и то и дело встречать в разговор, отвечивая одобрительные комментарии: «Да! Прафильно!» — или иногда: «Гениально!» — каждый раз, когда кто-то из врачей что-то говорит.

Когда в обходе принимают участие консультанты и ординаторы, я, как правило, незамедлительно возвращаю его обратно в кровать, попросив медсестер пару часов за ним проследить. Когда же я обхожу пациентов в одиночестве, то позволяю ему какое-то время таскаться следом за собой. Я не всегда до конца понимаю, что от меня требуется, и даже когда понимаю, уверенности мне явно не хватает, так что подбадривания престарелого немца, то и дело выкрикивающего у меня из-за спины: «Плестяще!» — приходится даже кстати.

Сегодня он нагадил на пол прямо передо мной, так что мне, к прискорбию, пришлось отстранить его от работы.

30 августа 2004 года, понедельник

Если между врачами вдруг и возникает информационный вакуум, то мы с удовольствием заполняем его историями про наших пациентов. Сегодня в ординаторской¹

¹ Ординаторской называется комната отдыха врачей с несколькими диванами и ободранным бильярдным столом.

за обедом мы обменивались историями про абсурдные «симптомы», с жалобами на которые к нам приходили пациенты.

За последние несколько недель нам попадались пациенты с зудящим зубом, резким улучшением слуха и болью в руке во время мочеиспускания.

Каждая история заканчивается всеобщим одобрителем смехом, как во время выступления местной знаменитости на церемонии вручения дипломов. Итак, мы по очереди делимся своими историями, словно рассказывающие у костра страшилки дети в пионерлагере, пока не наступает черед Шеймуса. Он рассказывает, что утром в отделении неотложной помощи принимал мужчину, которому казалось, будто его лицо потеет только с одной стороны.

Он откидывается на спинку стула, ожидая произвести фурор, однако его встречает гробовое молчание. После неловкой паузы все дружно принимают ему объяснять, что это типичное проявление синдрома Горнера. Он же о нем никогда не слышал, как и не слышал о том, что чаще всего этот синдром является симптомом рака легких. С оглушительным скрежетом Шеймус отодвигает свой стул и пулей вылетает, чтобы позвонить своему пациенту и попросить его вернуться в больницу. Его недоеденный «Твикс» достается мне.

10 сентября 2004 года, пятница

Я обратил внимание, что у всех пациентов в палате в карте наблюдения записан пульс 60, так что решаю тайком подглядеть, как именно измеряет его наш помощник медсестры. Он нащупывает пульс пациента, смотрит на часы и методично отсчитывает количество секунд в минуте вместо количества ударов.

17 октября 2004 года, воскресенье

Должен отдать себе должное — я не поддался панике, когда у пациента, которого я осматривал, внезапно изо рта фонтаном хлынула кровь прямо на мою рубашку. Проблема была в том, что я не знал, что мне с этим делать. Я попросил ближайшую ко мне медсестру позвать Хьюго, моего ординатора, что находился в тот момент в соседней палате, а тем временем вставил канюлю¹ и начал вводить физраствор. Хьюго пришел прежде, чем я успел сделать что бы то ни было еще, что было весьма

¹ Канюлей называется небольшая пластиковая трубка, которая вставляется в тыльную сторону руки или в районе локтевого изгиба, чтобы с помощью капельницы вводить физраствор или лекарства. Установка канюль является одной из ключевых обязанностей интерна, хотя за годы обучения в мединституте я так ни разу даже и не попробовал это сделать. В ночь перед моим первым рабочим днем один из моих соседей по квартире в общежитии больницы украл из палаты коробку, в которой было порядка 80 канюль, и мы несколько часов напролет тренировались их ставить, пока наконец не научились. Следы от наших первых неумелых попыток не сходили еще долгие дни.

кстати, так как у меня к тому времени идеи закончились. Усилить подачу капельницы? Запихать ему в глотку побольше бумажных полотенец? Посыпать сверху базиликом и объявить, что это гаспачо?

Хьюго быстро диагностировал варикозное расширение вен пищевода¹, что было довольно логично, так как к этому времени пациент был цвета Гомера Симпсона — причем из ранних серий, когда контраст был особенно сильным и все персонажи выглядели словно наскальные рисунки, — и попытался остановить кровотечение с помощью зонда Блэкмора².

Пациент принялся всячески извиваться, сопротивляясь тому, чтобы эта ужасная штука оказалась у него в горле, и кровь хлестала повсюду: на меня, на Хьюго, на стены, шторы и потолок. Это напоминало какой-то особенно авангардный эпизод «Квартирного вопроса».

Отвратительнее всего же было звуковое сопровождение. С каждым вдохом бедняги было слышно, как в легкие засасывается кровь и он захлебывается.

К тому времени, как трубка была установлена, он уже перестал истекать кровью. Любое кровотечение в

¹ Варикозное расширение вен пищевода является ужасным осложнением цирроза печени — раздутые вены могут в любой момент разорваться, вызвав обильное кровотечение.

² Представляет собой резиновую трубку, которая просовывается в горло и надувается, словно воздушный шар, чтобы сдавить кровеносные сосуды и остановить кровотечение.

конечном счете неизбежно останавливается, и на этот раз оно остановилось по наиболее печальной причине. Хьюго констатировал смерть пациента и заполнил медицинское свидетельство, а также попросил медсестру связаться с родственниками.

Я стянул с себя пропитанную кровью одежду, и мы молча переоделись в медицинские костюмы, в которых закончили смену. Итак, я впервые стал свидетелем чьей-то смерти, и она была настолько ужасной, насколько только могла. В ней не было ничего романтического или красивого.

Этот звук. Хьюго позвал меня на улицу покурить — после такого мы оба отчаянно в этом нуждались. Это была моя первая сигарета.

9 ноября 2004 года, вторник

Стоило мне впервые за три смены прилечь на полчаса, как меня разбудил пейджер — нужно было прописать снотворное одному из пациентов, чей сон, судя по всему, был куда важнее моего. Как оказалось, я сильно недооценивал свои способности — когда я пришел в палату к пациенту, он уже крепко спал.

12 ноября 2004 года, пятница

Анализ крови пациентки показал, что ее кровь сворачивается слишком уж шустро без какой-либо явной на то причины. Немного подумав, Хьюго в конечном сче-

те во всем разобрался. Чтобы побороть беспочвенную тревогу, женщина принимала биодобавки, которые покупала в местном магазине здорового питания. Хьюго объяснил ей (и если уж быть честным, то заодно и мне), что входящие в них вещества препятствуют нормальной биотрансформации варфарина и если она перестанет их принимать, то свертываемость крови, скорее всего, нормализуется. Она была крайне изумлена.

«Я думала, тут просто травы — как они могут быть вредными?»

От слов «просто травы» температура в комнате, казалось, упала на пару градусов, и Хьюго с трудом сдержался, чтобы не вздохнуть, обреченно закатив глаза. Очевидно, он уже не в первый раз сталкивается с подобным.

«Знаете, абрикосовые косточки содержат цианид, — сухо ответил он. — Смертность от бледной поганки составляет пятьдесят процентов. Натуральное — не значит безопасное. У меня в саду есть растение, под которым если просто посидишь десять минут, то непременно умрешь». Дело сделано: пузырек с капсулами летит в мусорное ведро.

Позже за колоноскопией я поинтересовался у него, что это за растение такое.

«Кувшинка».

6 декабря 2004 года, понедельник

Всех младших врачей в нашей больнице попросили подписать документ об отказе от Европейской директивы

о рабочем времени¹, потому что наши контракты не соблюдают ее требования. На этой неделе я виделся с Г. меньше двух часов и в общей сложности проработал девяносто семь. «Не соблюдают требования» — это уж совсем как-то мягко сказано. Мой контракт схватил директиву за волосы, выволок ее, вопящую, из кровати посреди ночи и устроил ей пытку водой.

20 января 2005 года, четверг

Дорогой тупой барыга!

За последние несколько ночей к нам привезли трех девушек и парней — все они были сухие, как лист, в отключке из-за гипотонии, а с их электролитами была полная жопа². Единственное, что было между ними общего — так это то, что они все недавно употребляли кокаин. Конечно, кокаин может привести к сердечному приступу или разрушению носовой перегородки, однако ничего подобного с людьми от него случаться не должно. Я практически не сомневаюсь, что дело тут в том, — и мне хотелось бы получить Нобелевскую премию, ну или хотя бы орден за заслуги перед отечеством,

¹ Европейская директива о рабочем времени была введена, чтобы законодательно помешать работодателям заставлять персонал работать до полусмерти, ограничив смены «всего» сорока восемью часами в неделю.

² Электролиты — это соли, содержащиеся в нашей крови, главным образом соли натрия, калия, хлора и кальция. Если их уровень слишком сильно падает или увеличивается, то организм дает об этом знать, останавливая сердце или вызывая кому. Вот такой вот он умненький.

если я окажусь прав, – что ты разбавляешь свой товар фуросемидом своей бабушки¹.

Мало того, что ты впустую тратишь мое время, а также свободные кровати у нас в отделении, так еще, как по мне, отправлиять клиентов в больницу – не совсем выгодно для твоего бизнеса. Будь добр, используй мел, как это делают все остальные.

С уважением, доктор Адам Кей

31 января 2005 года, понедельник

Сегодня ночью спас человеку жизнь. Меня вызвали к стационарному пациенту 68 лет, который был уже на самом пороге смерти – более того, он уже позвонил в звонок и разглядывал через матовое стекло входной двери коридор старухи с косой. Уровень насыщения кислородом² у него был 73 процента – полагаю, не будь торговый автомат на ремонте и я все-таки купил бы, как собирался, себе «Сникерс», я бы непременно опоздал.

¹ Фуросемид – это диуретик или, по-другому, мочегонное. Когда в легких или других тканях организма скапливается жидкость – как правило, это происходит из-за нарушенной функции сердца или почек, – он помогает от нее избавиться посредством мочеиспускания. Если же, как в данном случае, никаких скоплений жидкости нет, то вместе с мочой выводится вода из крови.

² Уровень насыщения кислородом – это процентное содержание в крови кислорода, которое измеряется с помощью той самой небольшой прищепки, что надевают пациентам на палец. Он должен быть как можно ближе к 100 процентам, уж точно выше 90 и уж совсем точно – выше 80.

У меня не было ни секунды лишнего времени, чтобы мысленно пробежаться по всем пунктам плана действий в подобных ситуациях — я просто взялся за дело, все делая в автоматическом режиме, о наличии у себя которого даже и не подозревал. Кислородная маска, капельница, анализы крови, газоанализ крови, диуретики, катетер.

Он начал оживать практически мгновенно — резиновый трос, на котором он прыгнул с моста, подхватил его, когда до асфальта оставались считанные миллиметры. Прости, смерть, на сегодняшнем званом ужине у тебя будет на одного гостя меньше.

К тому времени, как появился Хьюго, я чувствовал себя Суперменом.

Странно было то, как дошло до меня позже, что за пять лет работы врачом это была первая спасенная лично мною жизнь. В представлении обычных людей, мы рискуем по палатам, постоянно совершая геройские поступки. Даже я так думал, когда только начал работать. На самом же деле, хотя в больнице и спасают ежедневно десятки, а то и сотни жизней, практически всегда происходит это гораздо в более спокойной манере и с участием целой врачебной бригады, которая отслеживает улучшение состояния пациента и в случае необходимости корректирует план действий.

Тем не менее порой все действительно оказывается в руках одного-единственного человека; и сегодня,

впервые в своей жизни, этим человеком оказался я. Хьюго выглядит довольным — во всяком случае, настолько довольным, насколько он вообще в состоянии быть: «Что ж, ты выиграл для него еще парочку недель на этой земле». Да бросьте — не требуйте от супергероя невозможного.

7 февраля 2005 года, понедельник

Мой перевод в хирургию¹ ознаменовался моей первой скальпированной раной².

Пациенту В.М. 18 лет, и в тот день он выпивал с друзьями. После того как закрылись пабы, он оказался танцующим на козырьке автобусной остановки, после чего решил спуститься вниз, воспользовавшись оказавшимся под рукой фонарным столбом как пожарным шестом. Пацан запрыгнул на столб и сполз вниз, подобно коале. К несчастью, он недостаточно трезво оценил фактуру поверхности столба — тот оказался совсем не таким гладким, как он ожидал, и вместо того, чтобы

¹ После первых шести месяцев стажировки в одном из отделений больницы интернов, как правило, на следующие шесть месяцев направляют в хирургию. Мне, видимо, досталась самая короткая соломинка, так как я попал в урологию.

² Скальпированной называется рана, при которой происходит частичный или полный отрыв кожи от подлежащих тканей — как правило, имеет место при авариях с участием мотоцикла, когда водитель мотоцикла на большой скорости проезжает руками по асфальту. Попавшие в мышеловку крысы могут отгрызть себе от хвоста кожу, чтобы выбраться. Зачем нам рассказывали об этом в мединституте, я так и не понял.

легко соскользнуть вниз, парниша ободрал себе все, чем прижимался к столбу.

В отделение неотложной помощи парень явился с сильными ссадинами на ладонях и полностью скальпированным членом.

За непродолжительное время, проведенное в урологии (да и не только), я повидал немало членов, однако этот был самым ужасным, который я когда-либо встречал. Явно достойный медали, если бы только ее было куда повесить. Сантиметров пять уретры, покрытой тонким слоем кровавого месива, диаметром в общей сложности, пожалуй, не более пяти миллиметров. Это напомнило мне прилипшую ко дну кастрюли макарони-ну. Стоит ли говорить, что В.М. был расстроен. Лучше бы он и не спрашивал, можно ли его член «восстановить». Мистер Биннс, врач-консультант, невозмутимо ему объяснил, что остальная часть его члена равномерно размазана вдоль трехметрового фонарного столба на западе Лондона.

21 февраля 2005 года, понедельник

Выписывал пациентку домой после лапароскопии¹. Подписал ей больничный на две недели. Она предложила

¹ Практически любая операция на брюшной полости теперь может быть проведена методом лапароскопии, что в переводе с греческого означает «гораздо медленнее». В ходе такой операции через небольшой разрез вводится миниатюрная камера вместе с

мне десятку, чтобы я продлил его до месяца. Я рассмеялся, но она была настроена серьезно и подняла ставку до пятнадцати фунтов. Я предложил ей обратиться к участковому терапевту, если вдруг две недели спустя она будет не готова выйти на работу.

Мне определенно стоит начать одеваться более солидно, чтобы мне больше не предлагали такие мелкие взятки.

По дороге домой я размышлял над тем, сколько ей следовало мне предложить, чтобы я согласился. К собственному стыду, я пришел к выводу, что полтинника бы точно хватило.

14 марта 2005 года, понедельник

Отправились ужинать с Г. и парочкой приятелей — решили наведаться в модную пиццерию, где стены в голой кирпичной кладке, слишком много неоновых ламп, меню на деревянных планшетах, система оформления заказа до невозможности сложная, а официантов практически нет. Посетителям выдают устройство, которое, когда заказ готов, начинает пищать и вибрировать, после чего нужно переться через весь ресторан по искусно составленному разноцветному кафелю, чтобы забрать свою пиццу из окошка выдачи у человека, которому не нужно переживать, что кто-ни-

инструментами на длинных тонких рукоятках. Это очень кропотливый труд, которому нужно долго учиться. Чтобы оценить всю трудоемкость процесса, попробуйте завязать себе шнурки палочками для еды. С закрытыми глазами. В открытом космосе.

будь задумает потребовать убрать из счета доплату за обслуживание в 12,5 процента — хотя на деле посетителей никто и не обслуживает.

Как только устройство срабатывает, с криком «о господи» я рефлексивно подскакиваю с места. Не то чтобы я так радовался своей «флорентине» — просто у этого долбаного устройства высота и тембр точно такие же, как и у моего пейджера в больнице. Измерил свой пульс — 95. Что тут сказать: работа, по сути, наградила меня посттравматическим синдромом.

20 марта 2005 года, воскресенье

Сообщить плохие новости — это не просто сказать: «Боюсь, у вас рак» или «Мы сделали все, что было в наших силах». Ничто не может подготовить к тому, каково это — сидеть рядом с дочерью пациента, чтобы объяснить ей, что с ее слабым, пожилым папой ночью случилось нечто весьма неприятное.

Я был вынужден сообщить ей, что пациент, лежащий в соседней от ее отца кровати, прошлой ночью оказался в крайне возбужденном и дезориентированном состоянии. Что по какой-то причине он решил, что ее отец — это на самом деле его жена. Что, к сожалению, к тому моменту, как медсестры подоспели на шум, было уже слишком поздно и этот пациент оседлал ее отца и кончил ему на лицо.

«Ну хотя бы он... не пошел дальше этого», — сказала дочь, показав высший пилотаж в умении во всем найти светлую сторону.